

ББК 66.01

*Е.В. Романова***Религиозные основания этнополитического пространства в концепции основоположников евразийства**

Ключевые слова: этнокультурное пространство, религиозные факторы этнополитического пространства, этносоциальная общность, религиозная и политическая организация народов Евразии, концепция евразийцев этнокультурного пространства.

Keywords: Eurasia conception, ethno-political sphere, religion, policy, ethno-confessional sphere, inter-confessional conflicts.

Мир религии и мир политики очень тесно связаны между собой, особенно когда эти миры взаимодействуют в полиэтничном пространстве. Если говорить о современном обществе, то в нем происходит изменение глубинных основ воспроизводства всей системы социальных отношений. В этноконфессиональной сфере эти изменения проявляются в возрастании масштабов как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов, формировании новых межнациональных и наднациональных региональных сообществ. Эти изменения происходят противоречиво и болезненно, зачастую осложняясь затяжными этническими, религиозными конфликтами и войнами.

Особое значение эти проблемы приобретают в России, которая, являясь одной из наиболее многоконфессиональных и многонациональных стран мира, находится на переломном этапе своего развития. Сложившаяся ситуация в области этноконфессиональных отношений настоятельно требует системного осмысления со стороны специалистов различных областей знания. Многие нынешние проблемы и противоречия в религиозной и этнополитической сфере были предсказаны первым поколением евразийцев, поэтому обращение к их теоретическому наследию сегодня исключительно актуально.

Исследования основоположников евразийства дают ответы на вопросы о сущности этноконфессиональной сферы, а также ценные методологические установки для решения многих нынешних межконфессиональных проблем. Настоящая работа посвящена рассмотрению этноконфессиональной политической концепции основоположников евразийства, представленной в первую очередь работами Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, Н.Н. Алексева.

Религиозные основания являются определяющими в системе политического устройства многих народов и государств. Один из классиков политической мысли Макс Вебер зависимость политической организации общества от типа религии описал в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма». Интересные по-

ложения по данной проблематике можно обнаружить и в русской философии. Недостаточно исследованным полем религиозно-политической проблематики в русской мысли остаются идеи ранних евразийцев Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.Н. Карсавина и др.

По мнению евразийцев, разнообразие природно-климатических зон с соответствующими ими хозяйственно-бытовыми и религиозными укладами народов, проживающих на евразийском пространстве, обеспечивают возможности для широкого политического сотрудничества и государственного объединения евразийских народов, где каждый не теряет своей самостоятельности и культурного своеобразия. «Над Евразией веет дух братства народов» – емко резюмировал ее этнополитическое своеобразие П.Н. Савицкий. Думается, что эти этнокультурные и этнополитические евразийские идеалы также ничуть не устарели в плане прочерчивания стратегических линий нынешнего политического развития Евразии.

Роль религии в политических отношениях народов и перспективы религиозного диалога евразийских народов является исключительно важной евразийской темой.

Можно уверенно сказать, что для всех основоположников евразийства высшей областью познания и жизни была именно религия [1, с. 45–46].

П.Н. Савицкий был убежден в религиозном единстве мироздания (мир сотворен Богом) и глубоко верил в религиозное начало, укорененное в человеческой природе [2, с. 1–2]. «Истинной закваской системы человеческих взаимоотношений мы считаем христианство, а совершеннейшим выражением его Православие», – говорилось в евразийских тезисах 1927 г., в значительной степени написанных П.Н. Савицким [3, с. 34]. Он замечал также, что от Н.Я. Данилевского евразийство отличается уже тем, что несравнимо сильнее подчеркивает религиозный момент.

В евразийской литературе в целом можно встретить анализ и сравнение практически всех крупных религиозных систем мира – различных направлений христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма, а также шаманизма. Причем эти системы рассматриваются через призму не только исторических, культурных, но, что для нас особенно важно, сквозь призму политических факторов.

Все евразийские мыслители – люди православной и духовной ориентации, их религиозные пристрастия вполне очевидны. Отношение же к нехри-

стианским религиям у различных авторов евразийства было разным и довольно противоречивым. Кто-то включал их в религиозную систему этнокультурного пространства евразийского «месторазвития», а кто-то причислял их к сатанистским, как Н.С. Трубецкой. По мнению последнего, большинство нехристианских религий имеет сатанистское происхождение. «Приходится признать, что значительная часть, даже большинство мистических откровений, полученных религиозными вождями разных народов земного шара, имеют сатанинское происхождение» [4, с. 182]. Так, религии Индии, будь то веданта, шиваизм или вишнуизм, брахманизм или современный индуизм, не принимались им совершенно. Без идеи единого Бога они сближались для него с магическими ритуалами и суевериями: «С точки зрения христианской, вся история религиозного развития Индии проходит под знаком непрерывного владычества сатаны» [4, с. 223].

Однако Н.С. Трубецкой в русле общих идей евразийства делает важную оговорку, что «если нам нечего учиться у народов нехристианского Востока их религиям, нам все же есть что позаимствовать от них в области религиозной жизни, а именно – само их отношение к религии. Пусть эта религия, с нашей точки зрения, есть сатанинское лжеучение. Важно то, что адепты этого лжеучения проявляют к нему именно то отношение, которое следует проявлять к истинной религии» [4, с. 227].

Интересно, что евразийцы расходились между собой и в ответах на вопрос, сформулированный для России еще Вл. Соловьевым: «Каким ты хочешь быть Востоком?..», и по-разному оценивали значение духовно-исторических связей в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве Евразии. И если Л.П. Карсавин пропагандировал идею «потенциального православия» нехристианских народов и П.Н. Савицкий с идеей движения нехристианских народов к православию, В.П. Никитин и особенно В.Н. Иванов во многом разделяли идеи Н.К. Рериха о необходимости установления дружественных связей с братскими нам восточными странами (например, с Монголией и Индией), – то Н.С. Трубецкой представлял антииндийскую ветвь в евразийстве. Видимо, это предопределило достаточно спорную оценку его произведения «Хождения Афанасия Никитина...» [5, с. 164–186] как жанра паломничества «в поганую землю». Но тот же Н.К. Рерих, неоднократно с восторгом цитировавший А. Никитина, видел в «Хождении...» как раз проявление русско-индийского духовного магнетизма.

П.Н. Савицкий обращал внимание на этноконфессиональное взаимодействие народов Евразии, проявляющееся в «религиозном интернационале», в симфоническом и органическом единстве многих исповеданий. Согласно взглядам этого мыслителя, язычество есть «потенциальное Православие». Само

собой разумеется, что по степени осознания христианских истин язычество стоит ниже, чем инославие, и более его удалено от православия русского. «Однако, не будучи сознательно-упорным отречением от Православия, язычество скорее и легче поддается призывам Православия, чем западнохристианский мир, и не относится к Православию с такой же враждебностью. С другой стороны, если мы сосредоточимся на язычестве, этнографически и географически близком России и частью входящем в ее состав, мы легко обнаружим некоторое особо близкое родство его первичного религиозного уклада именно с русским православием. Это родство позволяет предполагать, что русское и среднеазиатское язычество в христианизации своей создаст формы и аспекты Православия, более близкие и родственные русским, чем европейским» [6, с. 29].

Здесь трудно согласиться с французской исследовательницей евразийского наследия Ларюэль Марлен [7, с. 184], что евразийцы не признавали восточные религии. Это относится только к религиозным идеям Н.С. Трубецкого, который хорошо не знал Индию и практически не был знаком с практикой восточных религий, в отличие от их языков. Хотя справедливости ради надо отметить, что тот же Н.С. Трубецкой придерживался мнения, что «надо помнить, что сдвиг в области отношения к своей вере, о котором здесь идет речь, есть дело «личной жизни каждого» [4, с. 228].

Все же остальные евразийцы – П.Н. Савицкий, В.Н. Ильин, П.П. Сувчинский, Н.К. Рерих – проводили линию терпимости, братства и равноправия всех религий. Эти начала были приняты евразийством в качестве необходимых. Из них можно усмотреть, что ни о какой организуемой государством борьбе с иудеями, язычниками и христианами других церквей, с евразийской точки зрения, просто не может быть речи. Государство и православная церковь должны относиться к ним благожелательно и содействовать каждой вере, исповедуемой народами России–Евразии.

В.В. Зеньковский также считал, что православная идея понимается евразийцами крайне узко и бедно. «Они часто не доходят до понимания всего смысла этой великой идеи, для них она связана больше всего с воссозданием православного быта <...>. В евразийстве совершенно отсутствует внимание к опыту западного христианства, уже стремившегося однажды к церковной культуре. Евразийцы стоят как бы в исторической пустыне...» [8, с. 83].

Однако были и сторонники евразийских идей. Проевразийски настроенный митрополит Антоний Храповицкий писал: «Евразийство имеет свои минусы, дающие критику логическую возможность находить в них элементы анархизма и революции. Этот минус заключается в слишком общих, подчас напоминающих простую фразу, указаниях будущему русскому правительству и всем вообще руководителям жизни. Впрочем, они собирают весьма интересные материалы

по сему предмету: этнографические, экономические, исторические и т.п. Эти материалы, а еще более самые руководящие статьи, ясно показывают, что евразийцы суть глубоко-православные русские патриоты и монархисты, с другой стороны, они – высокопросвещенные и высококультурные европейцы, – но не идолопоклонники западной культуры» [9, с. 2].

Обращаясь опять же к периоду становления российского государства, Н.С. Трубецкой и Г.В. Вернадский рассматривают процесс столкновения византийской православной традиции и привнесенного кочевниками религиозного сознания. Подобный подход позволил евразийцам по-новому увидеть феномен религиозного взаимодействия этнокультурных субъектов. Хорошо раскрывает религиозно-философские взгляды П.Н. Савицкого набросок небольшой статьи «Единство мироздания», написанный в конце 1928 г. [10, с. 1–2]. Он убежден в единстве мироздания (мир сотворен Богом), глубоко верит в религиозное начало, укорененное в самой человеческой природе, говорит о внеклассовом ядре религиозного начала. Мыслитель считает, что евразийцы далеки от мысли кого бы то ни было приводить к Богу путем давления и насилия, но они живо ощущают Божественную природу мира. Каждая из его отраслей имеет свою законную ритмику развития, но все они вместе складываются в гармоническое единство [11, с. 112]. В этом плане евразийцы глубоко переживали атеизацию российского общества, проводимую большевиками.

Г.В. Вернадский с горечью писал, что процесс естественного развития религиозных воззрений народов Евразии со времени русской революции 1917 г. прерван государственной пропагандой атеизма и материализма. «Что получится в результате столкновения вековых религиозных устоев с новыми доктринами, – сказать, разумеется, сейчас нельзя. Огромный психический сдвиг в духовной жизни народов Евразии во всяком случае неизбежен...» [12, с. 197].

Для евразийцев церковь и православие являлись главными устоями мирозерцания. П.Н. Савицкий писал Н.С. Трубецкому: «Вне православия все – или язычество, или ересь, или раскол» [13, с. 36]. Конечно, утверждали евразийские философы, это не означало, что православие отворачивается от иноверцев или атеистов, что было бы нелепо при линии на укрепление внутренних связей России–Евразии, учитывая ее поликонфессиональность.

Правда, тезис о равноправии всех религий Евразии все же с трудом совмещался с их тезисом об особой роли православия. Они верили в особый тип культуры, возникший на духовной почве православия, так как именно православие в основу своего вероучения закладывает принцип «соборности», который в свое время выявил А.С. Хомяков. Именно на соборной пра-

вославной основе и должно быть достигнуто согласие этнических общностей евразийского пространства. «Евразийство утверждает, что в православии корень и душа национально-русской и евразийской, идущей к православию, но частью еще не христианской культуры» [14, с. 28]. Иногда же они прямо определяли Евразию как особую симфонически-личную индивидуацию православной церкви и культуры [15, с. 6]. Из письма П.П. Сувчинского к Н.С. Трубецкому видно, как важна была для всех евразийцев тема церкви и русского православия: «Ведь для всех нас Церковь и Православие являются главными устоями мирозерцания. Я лично не вижу, в какой области «евразийство» мешает утверждению церкви; наоборот, только способствует» [16, с. 36].

Таким образом, мнения евразийцев по религиозным проблемам неоднозначны, где-то спорны и требуют особого анализа. Но если внимательно обратиться к евразийскому наследию, то все же можно обнаружить важные идеи и принципы необходимости мирного сосуществования разнородных по своим религиозным воззрениям евразийских общностей, проживающих в одном политическом и духовном пространстве. По крайней мере (за исключением, подчеркнем это еще раз, воззрений Н.С. Трубецкого) мы нигде не найдем у евразийцев идей собственной религиозной исключительности и унижения чужих конфессий.

«Евразийцы, – написано в одной из их деклараций, – далеки от мысли кого бы то ни было приводить к Богу путем давления и насилия. Утверждая религиозный характер своей системы, евразийцы признают в то же время область религиозных убеждений сферой безусловной свободы. Никакое принуждение здесь неприменимо» [17, с. 3].

Всестороннее освоение собственных духовных ценностей и терпимое отношение к духовно-религиозным ценностям других народов евразийского пространства было первостепенной задачей в этнокультурных воззрениях и политических программах евразийцев, так как евразийский мир, в силу своего кочевого характера, имел размытую общественную структуру. Евразии с ее многонациональностью нужна большая внутренняя духовная свобода, толерантность и стабильность: «Кочевнические формы современной жизни необходимо изнутри укрепить религиозной стабильностью и ритуальной структурностью быта. Эзотерическое охранение должно быть прямо противоположно и пропорционально внешней подвижности» [18, с. 27].

Таким образом, одной из духовных скреп народов Евразии, по мнению основателей евразийства, является высокая степень религиозности и особая политическая организация народов евразийского пространства.

Библиографический список

1. Письмо Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому и П.Н. Савицкому от 9 сентября 1925 г. // ЦГАОР. – Ф. П.Н. Савицкого 5783. – Оп. 1.
2. Савицкий, П.Н. Единство мироздания / П.Н. Савицкий // ЦГАОР. – Ф. 5783. – №1.
3. Савицкий, П.Н. Евразийство как исторический замысел / П.Н. Савицкий // ЦГАОР. – Ф. П.Н. Савицкого 5783. – Оп. 1. – Ед. хр. 470.
4. Трубецкой, Н.С. Религии Индии и христианство / Н.С. Трубецкой // На путях. Утверждение евразийцев. – Берлин, 1922.
5. Трубецкой, Н.С. «Хождение Афанасия Никитина» как литературный памятник / Н.С. Трубецкой // Версты. – 1926. – Вып. 1.
6. Савицкий, П.Н. Православие как основа идеологии / Савицкий П.Н. // Континент Евразия / сост. А. Г. Дугин. – М., 1997.
7. Ларюэль, М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / М. Ларюэль ; пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. – М., 2004.
8. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей / В.В. Зеньковский // Русские мыслители и Европа. – М., 1997.
9. Митрополит Антоний Храповицкий. В защиту евразийства / Антоний Храповицкий // Русский военный вестник. – 1926. – №26.
10. Савицкий, П.Н. Единство мироздания / П.Н. Савицкий // ЦГАОР. – Фонд 5783. – №1.
11. Савицкий, П.Н. Евразийство как исторический замысел / П.Н. Савицкий // Континент Евразия / сост. А.Г. Дугин. – М., 1997.
12. Вернадский, Г.В. Опыт истории Евразии (1934) / Г.В. Вернадский // В поисках своего пути : Россия между Европой и Азией : хрест. по ист. рос. общ. мысли XIX и XX вв. – М., 1994. – Ч. 2.
13. Из письма П. Савицкого Н. Трубецкому от 23 февраля 1923 г. // ЦГАОР. – Фонд 5783 П.Н. Савицкого. – Оп. 1.
14. Евразийство. Опыт систематического изложения. – Париж, 1926.
15. Письмо протоиерея профессора С.Н. Булгакова А.В. Ставровскому от 1 октября 1924 г. // ЦГАОР. – Ф. П.Н. Савицкого 5783. – Оп. 1.
16. Из письма П.П. Сувчинского к Н.С. Трубецкому 27 февраля 1928 г. // ЦГАОР. – Ф. П.Н. Савицкого 5783. – Оп. 1.
17. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. – Прага, 1932.
18. Сувчинский, П.П. К познанию современности / П.П. Сувчинский // Евразийский временник. Париж, 1927. – Кн. 5.